

Карл Густав Юнг

Брак как психологическое отношение

Брак как психологическое отношение представляет собой сложное образование. Он складывается из целого ряда субъективных и объективных данностей, имеющих отчасти весьма гетерогенную природу. Поскольку в своей статье я бы хотел ограничиться психологической проблематикой брака, постольку я должен исключить объективные данности юридического и социального характера, хотя эти факты и оказывают существенное влияние на психологическое отношение между супругами.

Когда идет речь о психологическом отношении, мы всегда предполагаем сознание. Психологического отношения между двумя людьми, находящимися в бессознательном состоянии, не существует. Если рассматривать с другой точки зрения, например физиологической, они все же могли бы вступать в отношения, однако эти отношения нельзя назвать психологическими. Разумеется, такой гипотетической тотальной бессознательности не бывает, хотя существует парциальная бессознательность, достигающая немалых размеров. Чем больше степень такой бессознательности, тем более ограниченным является также и психологическое отношение.

У ребенка сознание всплывает из глубин бессознательной душевной жизни сначала в виде отдельных островков, которые постепенно объединяются в один "континент" - связанное сознание. Дальнейший процесс духовного развития означает распространение сознания. С момента возникновения связанного сознания появляется возможность психологического отношения. Сознание, насколько нам позволяет судить об этом наш опыт, всегда является "Я"-сознанием. Чтобы осознавать самого себя, я должен уметь отличать себя от других. Только там, где существует это различие, может иметь место отношение. Хотя в целом такое различие делается, оно, как правило, является неполным, поскольку довольно обширные области душевной жизни остаются неосознанными. Что же касается бессознательных содержаний, то здесь различия не происходит, и поэтому в их сфере не может также возникнуть и отношения; в их сфере все еще господствует первоначальное бессознательное состояние первобытной тождественности "Я" с другим, то есть полное отсутствие отношений.

Хотя зрелые в половом отношении молодые люди уже обладают "Я"-сознанием (девушки, как правило, в большей степени, чем юноши), однако прошло не так уж много времени с того момента, когда они вышли из тумана первоначальной бессознательности. Поэтому обширная область их души по-прежнему находится в тени бессознательного, не позволяя в полной мере установиться психологическому отношению. На практике это означает, что молодому человеку доступно лишь неполное познание другого, а также и самого себя; поэтому его осведомленность о мотивах другого, равно как и о своих собственных, недостаточна. Как правило, он действует, руководствуясь в основном неосознанными мотивами. Конечно, субъективно ему кажется, что он очень сознателен, ибо осознанные содержания всегда переоцениваются; поэтому тот факт, что кажущееся нам конечной вершиной в действительности является всего лишь нижней ступенькой очень длинной лестницы, - всегда является большим и неожиданным открытием. Чем больше размеры бессознательного, тем меньше при вступлении в брак идет речь о свободном выборе, что субъективно проявляется в ощущении влюбленности как веления судьбы. Там же, где нет влюбленности, все равно может быть принуждение, правда в менее приятной форме.

Неосознанные мотивации имеют как индивидуальную, так и общую природу. Прежде всего сюда относятся мотивы, возникающие под влиянием родителей. В этом смысле определяющим является отношение к родителям: для юноши - к матери, для девушки - к отцу. В первую очередь это характер связи с родителями, которая,

способствуя или мешая, оказывает влияние на выбор партнера. Осознанная любовь к отцу и к матери способствует выбору партнера, похожего на отца или на мать. Неосознанная связь (которая ни в коем случае не может осознанно проявиться в виде любви), напротив, затрудняет такой выбор и приводит к своеобразным модификациям. Чтобы это понять, нужно прежде всего знать, откуда берется бессознательная связь с родителями и при каких обстоятельствах она насильственным образом модифицирует или даже затрудняет сознательный выбор. Как правило, вся жизнь, которую не удалось прожить родителям, в силу сложившихся обстоятельств, передается по наследству детям, то есть последние вынуждены вступить на путь жизни, который должен компенсировать неисполненное в жизни родителей. Поэтому и случается, что сверхморальные родители имеют, так сказать, аморальных детей, что безответственный и праздный отец имеет обремененного болезненным честолюбием сына и т.д. Наихудшие последствия имеет искусственная бессознательность родителей. Примером тому может служить мать, которая, чтобы не нарушить видимость благополучного брака, искусственным путем бессознательно поддерживает себя тем, что привязывает к себе сына - в определенной степени в качестве замены своему мужу. В результате этого сын становится вынужденным вступить на путь если не гомосексуализма, то, во всяком случае, на путь несвойственных ему модификаций своего выбора. Например, он женится на девушке, которая явно не может равняться с его матерью и, таким образом, не может с ней конкурировать, или же он оказывается во власти жены с деспотичным и заносчивым характером, которая в известной степени должна оторвать его от матери. Если инстинкт не искалечен, то выбор партнера может остаться независимым от этих влияний, и все же последние рано или поздно дадут о себе знать в виде разного рода препятствий. С точки зрения сохранения вида более или менее инстинктивный выбор является, пожалуй, наилучшим, хотя с психологической точки зрения он не всегда удачен, поскольку между чисто инстинктивной и индивидуально дифференцированной личностью зачастую имеется необычайно огромная дистанция. Хотя благодаря такому инстинктивному выбору и может быть улучшена или обновлена "порода", но это достигается ценой разрушения индивидуального счастья. (Разумеется, понятие "инстинкт" представляет собой не что иное, как совокупное обозначение всех возможных органических и душевных факторов, природа которых большей частью нам неизвестна.)

Если рассуждать об индивиде лишь как об инструменте сохранения вида, то чисто инстинктивный выбор партнера будет, пожалуй, наилучшим. Но так как его основы являются неосознанными, то на нем могут основываться только особого рода безличные отношения, которые мы можем наблюдать у первобытных народов. Если мы там вообще вправе говорить об "отношениях", то это будут лишь бледные, отдаленные отношения, имеющие явно выраженную безличную природу, полностью регулируемые установленными обычаями и предрассудками, образец для любого конвенционального брака.

До тех пор пока рассудок, хитрость или так называемая заботливая любовь родителей не устроили брак детей и пока у детей первобытный инстинкт не искалечен ни неправильным воспитанием, ни скрытым влиянием нагроможденных и запущенных родительских комплексов, выбор партнера обычно осуществляется на основании бессознательных, инстинктивных мотиваций. Бессознательность приводит к неразличимости, бессознательной тождественности. Практическим следствием здесь является то, что один человек предполагает у другого наличие такой же психологической структуры, что и у себя самого. Нормальная сексуальность, как общее и, по-видимому, одинаково направленное переживание, усиливает чувство единства и тождественности. Это состояние характеризуется полной гармонией и превозносится как огромное счастье ("Одно сердце и одна душа"), пожалуй, по праву, ведь возвращение к тому первоначальному состоянию бессознательности, к бессознательному единству - это как бы возвращение в детство (отсюда детские жесты всех влюбленных), более того, это как бы возвращение в

утробу матери, в таинственное бессознательное море творческого изобилия. Это даже подлинное переживание божественного, которое нельзя отрицать и сверхсила которого стирает и поглощает все индивидуальное. Это самое настоящее причастие к жизни и безличной судьбе. Рушится само себя сохраняющее своеволие, женщина становится матерью, мужчина - отцом, и таким образом оба лишаются свободы и становятся инструментами продолжающейся жизни.

Отношения остаются в пределах границ биологической инстинктивной цели, сохранения вида. Поскольку эта цель имеет коллективную природу, то, соответственно, и психологическое отношение супругов друг к другу тоже имеет, в сущности, ту же коллективную природу; поэтому в психологическом смысле его нельзя рассматривать в качестве индивидуального отношения. О таком мы сможем говорить, только познав природу бессознательных мотиваций и в значительной степени уничтожив изначальную тождественность. Брак редко, вернее сказать, вообще никогда не развивается гладко и без кризисов индивидуальных отношений. Становления сознания без боли не бывает.

Путей, которые ведут к становлению сознания, много, но все они подчиняются определенным законам. Как правило, изменение начинается с наступлением второй половины жизни. Середина жизни представляет собой время высочайшей психологической важности. Ребенок начинает свою психологическую жизнь в чрезвычайной тесноте, в сфере влияния матери и семьи. По мере созревания горизонт и сфера собственного влияния расширяются. Надежда и намерение нацелены на расширение сферы своей власти и владений, желание во все большем объеме распространяется на окружающий мир. Воля индивида все более и более идентифицируется с природными целями бессознательных мотиваций. Таким образом, человек, так сказать, вдыхает в вещи свою жизнь, пока они в конце концов не начинают жить и умножаться сами по себе и незаметно его не перерастают. Матерей превосходят их дети, мужчин - их творения. И то, что раньше вступало в жизнь с трудом, возможно, ценою огромных усилий, остановить теперь невозможно. Сначала было увлечение, затем оно стало обязанностью, и, наконец, оно становится невыносимым бременем, вампиром, вобравшим в себя жизнь своего создателя. Середина жизни является моментом величайшего расцвета, когда человек по-прежнему занимается своим делом с большой энергией и желанием. Но в этот момент уже зарождается вечер, начинается вторая половина жизни. Увлечение меняет свое лицо и теперь превращается в обязанность, желание неумолимо становится долгом, а повороты пути, которые раньше были неожиданными и представляли собой открытия, делаются привычными. Вино перебродило и начинает светлеть. Если все благополучно, проявляются консервативные наклонности. Вместо того чтобы смотреть вперед, человек часто непроизвольно оглядывается назад и начинает задумываться о том, как до сих пор складывалась его жизнь. Он пытается отыскать свои истинные мотивации и совершает здесь открытия. Критическое рассмотрение самого себя и своей судьбы позволяет ему познать собственное своеобразие. Но это познание дается ему не сразу. Оно достигается только ценой сильнейших потрясений.

Поскольку цели второй половины жизни иные, чем первой, то вследствие слишком продолжительного застревания на юношеской установке появляется рассогласование воли. Сознание стремится вперед, так сказать, повинувшись своей собственной деятельности; бессознательное же сдерживает это стремление, потому что для дальнейшего распространения уже нет энергии и внутреннего желания. Этот разлад с самим собой вызывает чувство неудовлетворенности, а поскольку его внутренний источник не осознается, то причины, как правило, проецируются на партнера. В результате создается критическая атмосфера, неременное предусловие для становления сознания. Правда, такое состояние возникает у супругов, как правило, не одновременно. Так, вполне возможно, что даже наилучший брак не настолько стирает индивидуальные различия, чтобы состояния супругов стали абсолютно идентичными. Обычно один из них находит себя в браке быстрее, чем другой. Один, основываясь на позитивном отношении к родителям, практически не будет испытывать трудностей в приспособлении к партнеру, другому же,

наоборот, будет мешать глубинная бессознательная связь с родителями. Поэтому он достигнет полного приспособления лишь спустя некоторое время, а из-за того, что такое приспособление далось ему тяжелее, оно и удерживаться будет, пожалуй, более долго.

Различия в темпе приспособления, с одной стороны, и в объеме духовного развития личности, с другой, являются моментами, создающими типичное затруднение, которое в критический момент проявляет свою действенность. Мне бы не хотелось, чтобы создалось впечатление, что под большим "духовным объемом личности" я всегда подразумеваю чрезвычайно богатую или широкую натуру. Это совершенно не так. Скорее я понимаю под этим определенную сложность духовной природы, сравнимую с камнем со многими гранями в отличие от простого куба. Это многосторонние и, как правило, проблематические натуры, обремененные в той или иной мере трудно совместимыми врожденными психическими единицами. Приспособление к таким натурам или же их приспособление к более простым личностям всегда сложно. Такие люди с диссоциированным, так сказать, предрасположением обладают, как правило, способностью отщеплять на длительное время несовместимые черты характера и благодаря этому казаться простыми, или же их "многосторонность", их переливающийся характер может иметь совершенно особую привлекательность. В таких несколько запутанных натурах другой человек может легко потеряться, то есть он находит в них такое обилие возможностей для переживаний, что их вполне хватает, чтобы целиком поглотить все его интересы; правда, не всегда это принимает желательные формы, поскольку зачастую его занятие состоит в том, чтобы любыми доступными способами вывести всю их подноготную. Как бы то ни было, благодаря этому имеется столько возможностей для переживаний, что более простая личность оказывается ими окружена и даже попадает в их плен; она как бы становится поглощенной более сложной личностью, кроме нее она ничего не видит. Жена, которая духовно целиком поглощена своим мужем, и муж, полностью эмоционально поглощенный своей женой, - это вполне обычное явление. Эту проблему можно было бы назвать проблемой поглощенного и поглощающего.

Поглощенный, по сути, находится целиком внутри брака. Он безраздельно обращен к другому, для него вовне не существует никаких серьезных обязанностей и никаких связывающих интересов. Неприятной стороной этого в остальном "идеального" состояния является вызывающая беспокойство зависимость от недостаточно предсказуемой, а потому не совсем понятной или не вполне надежной личности. Преимуществом же является собственная цельность - фактор, который с точки зрения душевной экономики нельзя недооценивать!

Поглощающий, тот, кто в соответствии со своим несколько диссоциированным предрасположением испытывает особую потребность обрести в своей безраздельной любви к другому единство с самим собой, уступает в этом дающемся ему с трудом стремлении более простой личности. Пытаясь найти в другом все те тонкости и сложности, которые должны быть противоположностью и дополнением его собственных граней, он разрушает простоту другого. Поскольку простота в обычных условиях является преимуществом по сравнению со сложностью, то вскоре ему приходится отказаться от попытки сделать простую натуру тоньше и вызвать проблематические реакции. Кроме того, другой человек, тот, кто в соответствии со своей простой натурой ищет в первом простые ответы, сам "конstellлирует" (выражаясь техническим языком) в нем сложности как раз тем, что ожидает простые ответы у человека сложного. Тот *volens volens* вынужден отступить перед убедительной силой простого. Духовное (процесс сознания в целом) означает для людей склонность во всех случаях оказывать предпочтение простому, даже если оно совершенно неверно. Если же оно оказывается хотя бы наполовину правдой, то человек оказывается как бы в его власти. Простая натура действует на сложную словно маленькая комната, не предоставляющая ему большого пространства. Сложная натура, напротив, предоставляет простому человеку слишком большое помещение с огромным пространством, так что тот никогда не знает, где он, собственно говоря, находится.

Таким образом, совершенно естественно происходит, что более сложный человек содержит в себе более простого. Но он не может содержаться в последнем, он окружает его, не будучи сам окруженным. А так как он, пожалуй, имеет еще большую потребность быть окруженным, чем последний, то он чувствует себя вне брака и поэтому в зависимости от обстоятельств играет противоречивую роль. Чем больше фиксируется поглощенный, тем более вытесненным чувствует себя поглощающий. Благодаря фиксации первый проникает вовнутрь, и чем глубже он туда проник, тем меньше способен на то же последний. Поэтому поглощающий всегда как бы "наблюдает из окна", сначала, правда, бессознательно. Но когда он достигает середины жизни, в нем пробуждается страстное желание обрести то единство и цельность, которые в соответствии с его диссоциированной натурой ему особенно необходимы, и тогда с ним обычно происходят вещи, приводящие его к конфликту с сознанием. Он осознает, что ищет дополнение - "поглощенность" и цельность, которых ему всегда недоставало. Для поглощенного это событие означает прежде всего подтверждение всегда болезненно переживаемой неопределенности; он обнаруживает, что в комнатах, которые вроде бы принадлежали ему, живут еще и другие, нежеланные гости. У него исчезает надежда на определенность, и если ему не удастся ценою отчаянных усилий, насильственным путем поставить на колени другого и заставить его признать и убедиться, что его стремление к единству является всего лишь детской и болезненной фантазией, то это разочарование вынуждает его вернуться к самому себе. Если этот акт насилия ему не удастся, то смирение со своей участью приносит ему большое благо, то есть знание того, что ту определенность, которую он постоянно искал в других, можно найти в себе самом. Тем самым он обретает самого себя и вместе с тем обнаруживает в своей простой натуре все те сложности, которые тщетно в нем искал поглощающий.

Если поглощающий не будет сломлен при виде того, что можно назвать ошибкой брака, а поверит во внутреннее право своего стремления к единству, то прежде всего он справится с раздробленностью. Диссоциация исцеляется не путем отщепления, а посредством разрыва. Все силы, стремящиеся к единству, все здоровое желание обрести самого себя восстают против разрыва, и благодаря этому человек осознает возможность внутреннего объединения, которое он прежде искал вовне. Он обнаруживает как свое достояние цельность в самом себе.

Это то, что чрезвычайно часто случается к середине жизни; и таким образом удивительная природа человека добивается того перехода из первой половины жизни во вторую, превращения из состояния, где человек является лишь инструментом своей инстинктивной природы, в другое состояние, когда он уже является самим собой, а не инструментом - добивается превращения природы в культуру, инстинкта - в дух.

Собственно говоря, нужно остерегаться прерывания этого неизбежного развития путем морального насилия, ибо создание духовной установки за счет отщепления и подавления влечений подделка. Нет ничего более отвратительного, чем втайне сексуализированная духовность; она так же нечистоплотна, как и переоцененная чувственность. Однако такой переход - путь долгий, и большинство на этом пути застревает. Если бы все это душевное развитие в браке и посредством брака оставалось в бессознательном, как это имеет место у первобытных людей, то такие изменения совершались бы без излишних трений и более полно. Среди так называемых первобытных людей встречаются духовные личности, перед которыми можно испытывать благоговение, как перед совершенно зрелыми произведениями безмятежного предопределения. Я говорю здесь, опираясь на собственный опыт. Но где среди современных европейцев можно найти такие неискалеченные моральным насилием фигуры? Мы по-прежнему во многом варвары и поэтому верим в аскетизм и его противоположность. Однако колесо истории нельзя повернуть вспять. Мы можем стремиться только вперед в направлении той установки, которая позволит нам жить так, как того, собственно, желает ненарушенное предопределение первобытного человека. Только при этом условии мы будем способны не извращать дух в чувственность, а чувственность в дух; должно жить и то и другое, потому

что существование одного зависит от существования другого.

Эта изображенная здесь вкратце метаморфоза является важным содержанием психологического отношения в браке. Можно было бы долго говорить об иллюзиях, служащих целям природы и влекущих за собой характерные для середины жизни изменения. Свойственная первой половине жизни гармония брака (если такое взаимоприспособление вообще когда-либо достигается) основывается, по сути (как это затем проявляется в критической фазе), на проекции определенных типических образов.

Каждый мужчина с давних времен носит в себе образ женщины, образ не данной конкретной женщины, а некоторой женщины. В сущности, этот образ является бессознательной, восходящей к древности и запечатленной в живой системе наследственной массой, "типом" ("архетипом") всех переживаний многих поколений предков, связанных с женским существом, сгустком всех впечатлений о женщине, врожденной психической системой адаптации. Если бы женщин не было, то, основываясь на этом бессознательном образе, всегда можно было бы указать, какими душевными свойствами должна была бы обладать женщина. То же самое касается и мужчин; они тоже имеют врожденный образ мужчины. Опыт показывает, что точнее надо говорить - образ мужчин, тогда как у мужчины это, скорее, образ одной женщины. Поскольку этот образ является бессознательным, он всегда бессознательно проецируется на фигуру любимого человека и является одной из главных причин ее страстной привлекательности. Я назвал такой образ Анимой и поэтому нахожу весьма интересным схоластический вопрос "Habet mulier animam?" - считая его корректным до тех пор, пока не появятся веские основания, чтобы в нем усомниться. Женщина имеет не Аниму, а Анимуса. Анима носит эротически-эмоциональный характер, Анимус - "рассуждающий", поэтому большая часть того, что мужчины могут сказать о женской эротике и об эмоциональной жизни женщины в целом, основывается на проекции их собственной Анимы и потому является ложным. Удивительные предположения и фантазии женщин относительно мужчин основываются на деятельности Анимуса, который неисчерпаем в создании нелогичных суждений и ложных каузальностей.

Анима, так же как и Анимус, характеризуется необычайной многосторонностью. В браке поглощенный всегда проецирует этот образ на поглощающего, тогда как последнему удается спроецировать соответствующий образ на партнера лишь частично. Чем тот однозначнее и проще, тем меньше удается проекция. В такой ситуации этот в высшей степени завораживающий образ повисает в воздухе и, так сказать, ожидает того, чтобы заполниться реальным человеком. Есть несколько типов женщин, словно природой созданных для того, чтобы вместить в себя проекции Анимы. Пожалуй, можно говорить чуть ли не об определенном типе. Это непременно так называемый характер "сфинкса" - двойственность или многозначность; не шаткая неопределенность, в которую ничего нельзя вложить, а неопределенность многообещающая, с многоречивым безмолвием Моны Лизы - старой и юной, матери и дочери, вряд ли непорочной, с детской и обезоруживающей мужчин наивной смышленостью. Не всякий по-настоящему умный мужчина может быть Анимусом, ибо у него скорее должны быть хорошие слова, чем хорошие идеи, не совсем ясные слова, в которые можно вложить еще много невысказанного. Он должен быть даже несколько непонятным, или, по крайней мере, ему нужно каким-то образом находиться в противоречии с окружающим его миром, тем самым привнося идею самопожертвования. Он должен быть неоднозначным героем, одной из возможностей, при этом, наверное, уже не раз проекция Анимуса намного раньше, чем медлительный разум так называемого среднего интеллигентного человека, находила действительного героя.

Для мужчины, так же как и для женщины, если они являются поглощающими, заполнение данного образа означает чреватое последствиями событие, потому что здесь появляется возможность благодаря соответствующему многообразию найти ответ на собственную сложность. Здесь как бы раскрываются широкие просторы, в которых можно почувствовать себя окруженным и поглощенным. Я категорически говорю "как бы", потому

что здесь имеются две возможности. Подобно тому как проекция Анимуса у женщины фактически придает значение одному незнакомому мужчине из всей массы, более того, она даже может помочь ему моральной поддержкой в его собственном определении, так и мужчина может пробудиться благодаря проекции Анимы, "femme inspiratrice". Но, пожалуй, более часто это является иллюзией с деструктивными последствиями, неудачей, потому что недостаточно крепкой оказывается вера. Я должен сказать пессимистам, что в этих душевных первообразах заложены чрезвычайно позитивные ценности; и наоборот, я должен предостеречь оптимистов от ослепляющего фантазирования и от возможности самых нелепых и ложных путей.

Эту проекцию нельзя понимать как некое индивидуальное и сознательное отношение. Напротив, она создает принудительную зависимость на основе бессознательных мотивов, но мотивов иных по сравнению с биологическими. "She" Райдера Хаггарда довольно точно показывает, какой удивительный мир представлений лежит в основе проекции Анимы. В сущности, это духовные содержания зачастую в эротическом оформлении, - очевидные части первобытного мифологического склада ума, состоящего из архетипов, которые в совокупности составляют так называемое коллективное бессознательное. Поэтому такое отношение по своей сути является коллективным, а не индивидуальным. (Бенуа, который создал в "Atlantide" фигуру фантазии, вплоть до мельчайших подробностей совпадающую с "She", обвиняет Райдера Хаггарда в плагиате.)

Как только у одного из супругов осуществляется такая проекция, на место коллективного биологического отношения вступает коллективное духовное, вызывая тем самым вышеописанный разрыв поглощающего. Если тому удастся все это выдержать и он в результате обретет самого себя, то это происходит именно благодаря конфликту. В данном случае небезопасная сама по себе проекция способствовала его переходу от коллективного отношения к индивидуальному. Это равносильно полному осознанию отношений в браке. Поскольку целью настоящей статьи является обсуждение психологии брака, то психология проективных отношений из нашего рассмотрения выпадает. Здесь я удовлетворюсь лишь упоминанием этого факта.

Пожалуй, вряд ли можно вести речь о психологическом отношении в браке, не упомянув, по крайней мере мельком, о характере критического перехода и не указав на опасность недоразумений. Как известно, с психологической точки зрения нельзя понять ничего, что не было пережито на собственном опыте. Однако этот факт никому не мешает быть убежденным, что его суждение является единственно правильным и компетентным. Этот удивительный факт является следствием неизбежной переоценки соответствующего содержания сознания. (Без такой концентрации на нем внимания оно и не могло бы быть осознанным.) Поэтому и получается, что любой возраст, так же как и любая ступень психологического развития, имеет собственную психологическую истину, так сказать, свою программную правду. Существуют даже такие ступени, которых достигают лишь совсем немногие, проблема расы, семьи, воспитания, одаренности и увлечений.

Природа аристократична. Нормальный человек - это фикция, хотя и есть определенные имеющие всеобщий характер закономерности. Душевная жизнь представляет собой развитие, которое может прекратиться уже на самых нижних ступенях. Это подобно тому, как если бы каждый индивид обладал специфическим весом, в соответствии с которым он поднимался бы или опускался на ту ступень, где он достигает своих пределов. Аналогично обстоит дело с его идеями и убеждениями.

Поэтому неудивительно, что большинство браков с биологическим предопределением достигает своих высших психологических границ без ущерба для духовного и морального здоровья. Относительно немногие оказываются в состоянии глубокого разногласия с самим собой. Там, где велика внешняя необходимость, конфликт не может достичь драматического напряжения из-за недостатка энергии. Однако пропорционально социальной стабильности возрастает психологическая нестабильность, сначала бессознательная, вызывающая в подобных случаях неврозы; затем осознанная,

которая вызывает тогда размолвки, ссоры, разводы и прочие "ошибки брака". На более высокой ступени познаются новые психологические возможности развития, которые затрагивают религиозную сферу, где критическое суждение заканчивается.

На всех этих ступенях может наступить продолжительный застой с полным неведением того, что могло бы произойти на следующей ступени развития. Как правило, даже доступы к ближайшей ступени забаррикадированы сильнейшими предрассудками и суеверным страхом, что, несомненно, является в высшей степени целесообразным, поскольку человек, который волею судеб вынужден жить на слишком высокой для него ступени, становится вредным глупцом.

Природа не только аристократична, она еще и эзотерична. Однако ни один разумный человек не станет из-за этого скрытным, ибо он слишком хорошо знает, что тайна душевного развития и так не может быть выдана, хотя бы потому, что развитие является вопросом способностей каждого отдельного человека.